

Мегаинформация газ. - 1993 - 19 авг. - с. 7.

КЛОД ЛЕЛУШ, ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Все эти годы я снимал, в сущности, один фильм — «Мужчина и женщина»

Галина Долматовская

Мастер

«ТЕМА «Мужчины и женщины» скорее трагическая. Жан-Луи все время борется за Анну с мертвым Пьером. Что бы он ни делал, он никогда не сможет сравниться с мужем, погибшим в расцвете их любви, в тот исключительный миг, когда любовь женщины достигла высшей точки. Трентинья живая, он еще может разочаровать. Вот тема фильма».

Мысль, поразившая тогда не кинематографической, жизненной простотой, будет за 25 лет, прошедшие с первого интервью, подтверждать свою печальную мудрость.

Впрочем, для каждого из сотен миллионов зрителей тот удивительный фильм преломлялся по-иному, даря радость ли, грусть ли применительно к собственным обстоятельствам. Но нужен оказался всем.

Судьба же Лелуша-режиссера представляется мне в известной степени драматической. Критики и зрители будут всегда судить его, как Анна — Трентиньяна, равняя каждую следующую работу по той вершине.

Мы познакомились в 1968-м на съемках картины «Жизнь, любовь, смерть» во двореке бывшей тюрьмы Нантера. После триумфа, дожда награды не прошло и двух лет, а уже на экране шли еще три ленты: «Жить, чтобы умереть» и документальные — «13 дней во Франции», снятая вместе с Франсуа Рейшенбахом во время Олимпиады, и «Далеко от Вьетнама» — коллективная киноакция французских и амери-

канских мастеров, где Лелушу принадлежит эпизод на авианосцах 7-го флота США, заправающих контейнерами с шариковыми бомбами. Эти документальные кадры станут хрестоматийными, войдут потом во многие фильмы о вьетнамской войне (как это случается в монтажных лентах — без ссылки на авторов, на первоисточник).

Теперь мы вспоминаем, как, проматываясь весь день по Москве, умирали с голоду на его премьере, как ехали потом ко мне на блины по вьюжному городу в фургончике ветеринарной скорой помощи — другой машины ночью поймать не удалось. Намерзлись, он решил купить шапку... Ходили к Любимову на «10 дней, которые потрясли мир». Может быть, автограф остался на стене — в том, расписанном знаменитостями кабинете.

— Это было чудесно, — повторяет Лелуш. И, кажется, он навсегда принадлежит тем ликующим 60-м, когда мы впервые увидели его несущимся с камерой в снежной пыли по склону Шамрусса.

— В сущности, эти годы я снимал все тот же фильм — «Мужчина и женщина». Мои картинка пишутся, как дневник, в них — мои истории и истории людей, которых я люблю. Кинематографу так трудно потому, что к моменту его появления все сюжеты уже были в литературе, а я стараюсь рассказать свои истории, сделать их близкими многим людям. Ведь кино так благородно. Оно обращено ко всем — и к тем, кому недоступно наслаждение литературой, оно нужно подчас, чтобы понять окружающую жизнь. Она сегодня, на мой взгляд, очень, очень похожа на кино. Я стремлюсь на экране приблизиться к истине, может, оттого, что я начинал с документалистики, да и потом тоже... Теперь я пытаюсь добыть эту правду в результате игры. Конечно, необходимо, чтобы истину сопровождал юмор. Сегодня у меня две религии — истина и юмор — идеальная пара. Именно это я хотел вложить в свой последний фильм, где люди правдивы и забавны, а значит, для меня — идеальны, не лгут и заставляют меня смеяться.

строений, то это женская печаль Анны, чья дочь вступает в возраст любви...

Почему в разгар успеха картины «Все это... для этого!» Лелуш привез на Московский фестиваль ленту тринадцатилетней давности «Один и другие»?

— Я думал о ней 5 лет, а снял за 13 недель, мне ужасно хотелось показать ее здесь, куда она не могла проникнуть, видимо, из-за аналогии с историей Барышникова. Это фильм моей памяти. Вторая мировая пропущена через судьбы четырех семей музыкантов — французской, русской, немецкой, американской. Я воспроизвел события, не заглядывая в источники. Год был отдан музыке и хореографии — балет Бежара. Еще год ушел на монтаж.

Сколько драматических сплетений образует эту гигантскую экранную фреску... Она вместила холодох страха сталинской России, ее путь к Победе, счастье и слезы Победы. Ужас Освенцима и красоту высадки союзников в Нормандии. Горечь возвращения депортированных и стыд алжирской войны.

Лелуш знает: события его экранной эпопеи известны зрителю по десяткам игровых и документальных лент. Он дает их знаками, символами, только музыка служит комментарием.

В фильме очень много персонажей, чье появление на экране часто мимолетно, но они запоминаются. Даже на крошечные роли были приглашены замечательные актеры. В столь долгом повествовании — более трех часов экранного времени — автору практически нигде не изменяет вкус. В фильме немало кинематографических цитат. Они намеренны — дань любви и почтения искусству кино.

Кадр из фильма «Все это... для этого!» Клода Лелуша.

Фото из журнала «Presense du cinema français».

Только юмор может спасти, ибо кто осмелится утверждать существование истины в чистом виде.

Тридцать три фильма, и все о том же — о мужчине и женщине. Цитаты из радужной ленты 60-х содержат многие его картины. И каждое десятилетие он возвращается на пустое место — зимнее побережье Нормандии с новым поворотом событий.

«Супружество» (1974) — «негатив», по выражению режиссера «Мужчины и женщины», и самая скромная, на мой взгляд, на редкость горькая история омещанивания вчерашних невольных героев Сопротивления. (В нашем кинословаре 1986 года картина весьма осуждается за «дух мизантропии и индивидуализма».) Мне она представляется одной из самых заметных во французском кино «ретровальны».

В середине 80-х «Мужчина и женщина 20 лет спустя», где Лелуш подтвердил и свое возвышенное отношение к женщине, и приверженность тому типу неклассической красоты, которая являет Анука Эме, а теперь и похожая на нее Эвелин Буи, играющая в фильме дочь Анны, ранее она сыграла мать и дочь в фильме «Одни и другие», и Эдит Пиаф в «Эдит и Марсель».

Сейчас на французском языке с огромным успехом идет картина «Все это... для этого!» — название по-русски звучит несколько неуклюже — история мужчины и женщины в 2000 году. Женщины берут власть в любви и в жизни, так как мужчины устали, омертвели душой. Женщина тщетно ищет достойного, просто Мужчину.

К такому фильму Лелуш должен был прийти, ибо главенствует в его вечной теме двоих, ведет ее Женщина.

Когда-то он говорил мне, что рассчитывает больше на зрительниц. По прошествии лет и фильмов я склонна объяснять это не столь прозаично, все же некое рыцарство определяет авторский посыл.

Воспоминания Анны о Пьере окрашены в яркие цвета: густосиний — небо в горах; сверкающий голубой — снег; слепящий желтый — цвет солнца и песка, вобравшего солнце. Воспоминания Жана-Луи будто стертые, выирванные. Его погибшая жена — фигура второго плана, какой была в жизни героя. И не в ней дело. Просто способность чувствовать у Жана-Луи иная.

В «Супружестве» жена возвышена своей иронией и самоиронией, тогда как муж — «посредственность», — говорит Жанна, — так называемый средний француз, у тебя даже болезни мелкие».

Благороден и величествен финал — все торжество таланта поколений музыкантов разных стран сошлось в помощи Красному Кресту, нуждающимся детям. Для них звучит «Болеро» Равеля, для них парит над сценой Хорхе Донни... Нет здесь проблем отцов и детей, жизнь одних продолжается в других гармонично и трудно.

Наверное, кому-то фильм может показаться традиционным, даже старомодным.

Пожалуй, это входило в авторскую задачу. Он скроен, как платье от хорошего портного, если мини — чуть длиннее моды, если макси — чуть короче. Ничего чрезмерного, сверхмодного и оттого — надолго.

— Критика, как водится, была сурова ко мне по выходе фильма, но стала благосклонной теперь, когда мои картины показали по телевидению. Так уж издавна сложились наши отношения с критикой. Сначала гневается, потом мягчают.

Но неужели же у него нет желания вычеркнуть что-нибудь в длинной выдержке, не равноценных лент?

— Да нет, пожалуй, кроме двух самых ранних, давно, кстати, уничтоженных. А так — в каждой есть кадры, с детства мне дорогие. Дежурный вопрос, как он решился в не лучшие времена для России возглавить жюри Московского фестиваля.

— Я знал, на что иду, но у меня выдались 15 дней свободы, и с убежденностью в необходимости фестиваля, невзирая на обстоятельства, я и приехал. Думаю, российская территория — самое главное поле для кино, оно не может иссякнуть. Я пытаюсь понять, почему нам не удается показывать тут французские фильмы. И еще надеялся увидеть картины с Востока. Американских и западноевропейских вроде бы удается видеть достаточно. Вообще режиссеру нужно смотреть много...

За четверть века и в этом его призрачности не изменились, как не изменился и адрес компании «Фильм 13» — авеню Ош, или имена членов съемочной группы в титрах.

— Нет, операторы меняются, ищу молодых, мне, как бывшему оператору, интересен их взгляд, я чувствую себя моложе.

Обмолвка о возрасте кажется нечаянной, чужеродной. Нет, все же он мало изменился внешне — та же стрижка, та же юношеская пластика, тот же тихий голос. Только вот появились очки, да изредка покуривает тонкую сигару. И позади еще длинный свиток фильмов.

Он говорит, что хочет показать их все здесь, а я — что хочу написать о нем книгу. В это мгновение мы оба верим — он покажет фильм, я напишу и даже опубликую книгу. Как будто на дворе наши 60-е...

380